

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СЕВЕРО-ЗАПАД: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ЛАНДШАФТ-3**

**ДЕВЯТИЕ ШЁГРЕНOVСКИЕ ЧТЕНИЯ С
МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

К 75-ЛЕТИЮ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ ФИШМАН

Сборник статей

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ООО «СВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

2022

ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕМИКОНЕЧНЫХ КРЕСТОВ СРЕДИ ПЕТРОГЛИФОВ НА БЕСОВОМ НОСУ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Александр Леонидович Потравнов, Татьяна Юрьевна Хмельник

*Интернет-проект "Регионавтика Северо-Запад", (Санкт-Петербург), независимые исследователи;
regionavtika@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования по выявлению возможной причины появления изображений семиконечных крестов среди петроглифов Онежского оз. Рассмотрены исторические сведения о Бесовом Носе, о структуре известных петроглифов и об особенностях нанесенных изображений. Проводится сравнение наскального изображения с Кийским крестом, изготовленном в сер. XVII в. для вновь учрежденного ставропигиального Кийского монастыря. Рассматриваются примеры оценки деятельности Никона различными лидерами старообрядчества и выясняются места их деятельности вблизи Бесова Носа. Делается вывод о возможной связи изготовления наскального изображения семиконечного креста противниками церковных реформ Никона в 1660—1680 гг.

Ключевые слова: Бесов Нос, петроглифы, Онежское озеро, старообрядцы, семиконечный крест

THE IMAGES OF SEVEN-POINTED CROSSES AMONG PETROGLYPHS ON THE BESOVY NOSE OF ONEGA LAKE

Alexander Leonidovich Potravnov, Tatiana Yuryevna Khmelnik

*Internet-project "Regionavtika North-West" (St. Petersburg), the independent researchers;
regionavtika@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of research aimed at finding the possible reason for the appearance of seven-pointed crosses images among the petroglyphs of Onega Lake. The historical information about Besovyi Nos, the structure of the known petroglyphs and the features of the newly discovered images are considered. Petroglyphs are compared with the Kiisky cross made in the middle of the 17th century for the newly founded Kiisky stauropegial monastery. Examples of Nikon's activity evaluation by different Old Believers' leaders are examined and the places of their activity near Besov Nos are clarified. The conclusion is made about the possible connection between the manufacture of the rock image of the seven-pointed cross and the opponents of Nikon's church reforms of 1660-1680.

Key words: Besov Nos, petroglyphs, Onega Lake, Old Believers, seven-pointed cross

На Онежском оз. есть один необычный и относительно труднодоступный уголок – Бесов Нос. Здесь, как и в некоторых других местах на восточном побережье озера, сохранились древние наскальные изображения – знаменитые онежские петроглифы. Удивительно, но весьма длительное время, до сер. XIX в., несмотря на относительную известность места, о скоплении странных изображений на скалистом берегу не было никаких публикаций. Например, академик Н.И. Озерецковский, описавший во время путешествия по озеру изображения на Варашеве камне, не сошел здесь на берег, ограничившись лишь упоминанием в своей книге о приметности наволока Бесов Нос с небольшой деревушкой¹. Одной из первых публикаций с прорисовкой некоторых изображений стало краткое

сообщение П. Шведова в 1850 г.². Позднее появился целый ряд работ, посвященных петроглифам Бесова Носа. В частности, в 1936 г. в первом номере журнала «Советская археология» была напечатана большая статья В.И. Равдоникаса³.

Впоследствии этим артефактом также уделялось серьезное внимание. Различными специалистами (А.М. Линевским, Ю.А. Савватеевым, Н.В. Лобановой) этому феномену было посвящено несколько публикаций, но мы обратим внимание на отличающуюся глубиной книгу Н.В. Лобановой «Петроглифы Онежского озера»⁴. В этом фундаментальном труде представлен наиболее полный каталог онежских петроглифов по состоянию на 2013 г., включающий 1219 изображений, расположенных в 24 местах (пунктах). Число изображений в каждом пункте различно – от одного до 291 шт. Сюжеты петроглифов были распределены на 14 групп⁵, среди которых наиболее популярными оказались:

- птицы – 525;
- знаковые фигуры с круглым или серповидным основанием – 197;
- лоси – 117;
- люди и антропоморфные существа – 92;
- лодки – 64.

При этом сюжеты с изображением людей и антропоморфных существ оказались зафиксированы в 13 пунктах, т.е. практически во всех крупных скоплениях онежских петроглифов. Половые признаки присутствовали у 21 фигуры, пять сюжетов посвящались продолжению рода⁶.

Наиболее обсуждаемым из онежских петроглифов является изображение так называемого «беса» (рис. 1), представленное в книге Н.В. Лобановой⁷. Это, пожалуй, самое крупное изображение: дл. 2,46 м, размах рук 1,82 м. Приведем наиболее полное его описание: «Голова обращена вверх по склону скалы, к СВ. Выбивка отличается прекрасным качеством исполнения. Туловище у “беса” четырехугольное, слегка расширенное книзу, голова почти квадратная, контурная. Шея тонкая, чуть шире трещины. На лице показано 2 глаза — один контурный, с круглым зрачком (левый) другой — силуэтный (правый). Однако обращает на себя внимание то, что внутри силуэтного глаза удары от орудия глубокие и грубые, напоминающие следы от металлического инструмента. Поэтому допустимо предположить, что правый глаз фигуры был намерено испорчен в более позднее время. Прямой линией обозначен нос, изогнутой — рот. Выбито по 5 растопыренных пальцев на каждой руке. Через центр фигуры проходит глубокая трещина шириной 2 см, которая существовала явно до появления этого изображения. Края трещины оббиты, но только в пределах изображения. Правая ступня “беса” утрачена вследствие откола скалы (в

каталоге В.И. Равдоникаса она еще присутствует. – А.П., Т.Х.). Через левую руку “беса” выбито изображение креста. Выше креста еще ряд поздних выбивок. Внутри фигуры “беса” находятся более ранние выбивки⁸.

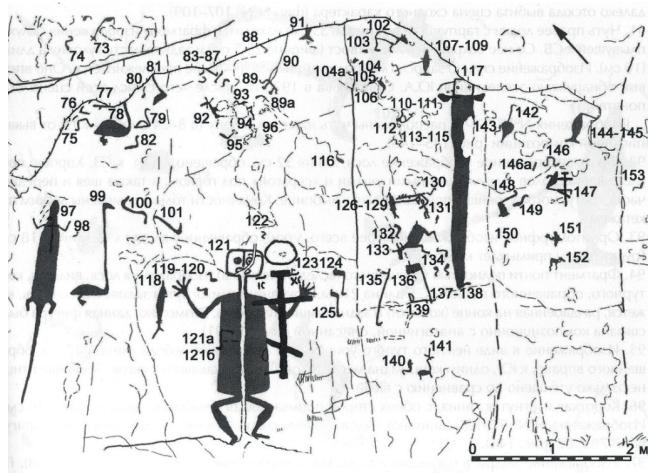

Рис. 1. Петроглифы на Бесовом Носу (фрагмент). Рисунок из книги Лобановой Н.В.
Петроглифы Онежского озера. 2014

Отмеченное в описании изображение семиконечного креста (дл. 1,35 м, шир. 80 см) на руке “беса” было сделано намного позже, о чем свидетельствуют особенности нанесения изображения – выбивка получилась «довольно грубая и неровная»⁹. Когда же появился этот крест и для чего он был сделан?

Предположения были разные. Наиболее популярную версию выдвинул А.М. Линевский¹⁰. По его мнению, этот крест выбили монахи расположенного неподалеку Муромского монастыря в XIV—XV вв. в целях «освящения» древнего языческого идола. Несмотря на то, что никаких документов или иных свидетельств, подтверждающих это предположение, нет, версия Линевского многими признается единственной верной.

На наш взгляд, эта гипотеза слабо аргументирована. Первое сомнение вызывает так называемое освящение древних идолов. В Библии указывается на необходимость истребления подобных капищ:

Второзаконие, глава 12: «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяkim ветвистым деревом; и разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того».

Первое послание апостола Иоанна заканчивается весьма однозначно: «*Дети! храните себя от идолов. Аминь*» (1 Ин.5:21).

Кроме того, судя по летописям, на заре христианства местные власти ревностно блюли эти библейские заповеди – рубили и жгли идолов повсеместно: «...И прииде Новугороду архиепископ Аким и требища разори и Перуна посече. И повеле влеци в Волхов. И повязавшие ужи, влечахуть и по калу, биоюще жезлием и тихающе <...> и вринуша его в Волхов»¹¹.

Однако антропоморфное изображение на гранитной скале, среди сотен других изображений различных животных (выдр, лебедей, лосей и т.д.) и людей, еще не означает, что монахи должны были его воспринимать как древнего идола. Скорее всего, все эти изображения, созданные язычниками, христианами могли расцениваться как «бесовские знаки и рисунки». Ведь согласно православным нормам, любая жертва язычника уже по определению приносится бесу, а не Господу:

«Нет, но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господнюю и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской». (1 Кор. 10:20,21).

Поэтому нам непонятно, что значит «освятить» один из более чем тысячи «бесовских» рисунков, да еще таким странным образом – размещая крест на руке «беса». Гораздо проще было бы развести костер на гранитной скале и от изображений не осталось бы и следа. Места здесь как были относительно дикими, так и остались. Деревня на Бесову Носу в составе Спасского погоста на Шале реке, где числились Якимко Филипов да Исачко Иванов, входившая в состав владений Юрьева монастыря, была отмечена еще в 1563 г.¹². В связи с этим возникают следующие вопросы: зачем монахам Муромского монастыря выбивать крест на участке, принадлежавшем другому монастырю? Почему надо было «освящать» только одну антропоморфную фигуру, а не 80 других? Почему не было вырезаны слова очищающей молитвы? Ни в одном документе мы не нашли упоминаний ни об одном событии, которое можно было бы интерпретировать как «освящение» или иное подобное действие на этом месте. А раз нет прямых документальных свидетельств, то попробуем внимательно проанализировать все известные нам факты и выдвинуть гипотезу, которая не противоречила бы им.

Для этого необходимо обратить внимание на то, что рядом с изображением большого семиконечного креста на руке «беса» есть еще несколько важных элементов, которые Н.В. Лобanova отметила в разделе «поздние выбивки»¹³:

- монограмма ИС ХС под титлами, расположенная с обеих сторон большого креста;
- вытянутой формы контурный овал, выбитый металлическим инструментом на глубину 4 мм, размерами 30x40 см, расположенный прямо над изображением большого семиконечного креста;
- изображение малого семиконечного креста (выс. 47 см), находящегося на удалении 3,5 м от «беса» около изображений лебедя, лося и др.

Теперь обратимся к кресту, а точнее, к его семиконечности. В иконографии наиболее древние семиконечные кресты встречались в Византии. Известные старейшие кресты в русских землях имеют другие формы, в частности шестиконечные кресты Евфросиньи Полоцкой и Аврамия Ростовского (XII в.), Антония архиепископа Новгородского (XIII в.) и пр.

На территории современной России изображения семиконечного креста, выполненные в местных мастерских, известны в Псковской земле с XIV в. – это фрески с изображением распятия в Снетогорском монастыре. Затем, начиная с перв. пол. XV в., кресты такого типа получили широкое распространение в иконописи, что подтверждается сохранившимися многочисленными их изображениями на иконах и монументальных каменных крестах XV–XVII вв.

В Новгородской земле семиконечный крест стал встречаться в иконописи уже во втор. пол. XV в. (например, иконы «Четыре сцены с изображением Страстей Христовых», «Святые Параскева и Анастасия»). При этом на монументальных каменных крестах, обнаруженных на территории новгородской земли, такое изображение в средокрестии встречается весьма редко. На известных нам более чем 700 сохранившихся экземплярах, в основном встречаются изображения четырех-, восьми- и двенадцатиконечных крестов¹⁴.

В северных землях Московского государства семиконечные кресты известны уже с кон. XV– нач. XVI в. Например, такой крест изображён на фреске «Приведение Христа на Голгофу» на южной стене собора Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре – роспись Дионисия 1502 г., или в его же работах для Павло-Обнорского монастыря. Кроме того, мы знаем об иконах с семиконечными крестами кон. XV – нач. XVI в.: из Кирилло-Белозерского и Куштского монастырей, а также о Киликийском кресте из Спасо-Прилуцкого монастыря.

Основываясь на вышесказанном, полагаем, что семиконечный крест как символ стал популярен в новгородских землях только во втор. пол. – кон. XV в., а в северных районах – с нач. XVI в. (по примеру Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Куштского монастырей). В

то же время в иконописи других северных городов (Великого Устюга, Каргополя) этого периода встречаются преимущественно восьмиконечные кресты. Следовательно, нижняя граница возможного появления семиконечного креста на Бесовом Носу относится, скорее всего, к рубежу XV–XVI вв.

Монограмма ИС ХС (Иисус Христос) под титлами традиционно изображается с обеих сторон креста и часто встречается на большинстве монументальных каменных крестов псковской и новгородской земель, а также на различных иконах. Овал над крестом, по нашему мнению, может рассматриваться как изображение нимба – символа святости. Небольшой семиконечный крест, находящийся чуть в стороне, не имеет ни овала, ни монограммы.

Для якобы освященного «бесовского места» все эти изображения, на наш взгляд, даже в совокупности выглядят весьма неубедительно. Нет следов «защитной» молитвы и традиционного для сакральной формулы слова НИКА – «победитель». Необычно также изображение нимба над большим крестом. С нашей точки зрения, очень странная композиция, учитывая, что топоним Бесов Нос продолжал использоваться и после предполагаемого «освящения» ещё почти 500 лет.

Но если представить себе несколько иную трактовку событий, то все эти изображения, их особенности начертания, а также устойчивость топонима окажутся вполне логичными и понятными. Поэтому привлечем внимание к одному интересному событию XVII в. в истории России и северных земель, в частности.

По заказу патриарха Никона в 1656 г. «из дерева кипарисного, в высоту и в ширину во всем подобен мерою Кресту Христову» в Палестине был изготовлен деревянный крест с вложенными в него почти 300 мощами и камнями из святых мест Палестины. На кресте были расположены 104 серебряные пластины с указанием имен святых, чьи мощи были вложены в крест, и 18 восьмиконечных звезд с камнями. Среди этих камней были «камень от трапезы, на ней же Авраам Троицу угости», «камень Гроба Господня», «камень пещеры, где крылся Иоан Предтеча от Ирода» и др. В одном из ковчегов хранились другие важнейшие реликвии, среди которых выделим частицы животворящей Крови Господни, части Древа Креста Господня и т.д.¹⁵.

Этот крест был освящен 1 августа 1656 г., а затем отправлен из Москвы во вновь учрежденный Никоном ставропигиальный Киевский монастырь на Белом море. Для охраны святыни отрядили роту драгун с пушками¹⁶. При этом во время каждой остановки на ночлег изготавливалась копия этого креста, которую устанавливали и освящали. Впоследствии

писались иконы «Поклонение Кийскому кресту». В настоящее время крест находится в Москве, в храме преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках (рис.2).

Рис. 2. Кийский крест. Фотография А.Л. Потравнова и Т.Ю. Хмельник 2010-е гг.

Это уникальное событие – перемещение креста с таким количеством столь значимых святынь по личному указанию Никона для вновь созданного монастыря – не могло пройти незамеченным для всех православных, проживающих в этих землях. Более того, считалось, что все мощи в крест вкладывал лично Никон. Поэтому образ Кийского креста вполне мог ассоциироваться с именем Никона – патриарха и инициатора церковной реформы, приведшей к расколу.

Многие северные монастыри не приняли никоновскую реформу: Соловецкий и Палеостровский, Курженская и другие обители в разное время становились оплотом старообрядцев. В Палеостровском монастыре, кстати, с 1654 по 1656 гг. находился и проповедовал единственный епископ, воспротивившийся Никону, – Павел Коломенский, увезенный впоследствии в Хутынский монастырь.

Поэтому отношение большинства приверженцев старых правил к фигуре патриарха Никона, мягко говоря, было весьма недружественным. В некоторых старообрядческих книгах его открыто называли антихристом. Вот несколько цитат из жития Корнилия Выговского: «Глаголя Пимин Корнилию, что “Ты ведаешь Корнилий, Никон митрополит – антихрист!”»¹⁷ / «Hu упусти немало, начали еретика антихриста Никона дерзновенного обличати»¹⁸. Протопоп Аввакум также видел в Никоне олицетворение антихриста: «Два же

рога у зверя – две власти знаменует: един победитель, а другой – пособитель: Никита по Алфавиту, или Никон, а другой - пособитель – Алексей»¹⁹. Существуют и другие примеры.

Одним из основных центров духовного сопротивления церковной реформе в 1670-е гг. стала Курженская обитель во главе с Досифеем. Эта обитель находилась на оз. Курженском в 65 км на восток от Бесова Носа (рис. 3). По мнению А.Н. Старицына, «пустынь не только была местом убежища, но и своего рода штабом, где вожды старообрядчества обсуждали многие важные идеологические вопросы и разрабатывали планы действий. <...> Из Куржесской пустыни велась координационная работа по организации подачи царю Федору Алексеевичу челобитной о вере от имени всей земли. Руководил этой работой игумен Досифей»²⁰. Сюда приходили из подвергнувшихся официальному разгрому монастырей, в частности из Каргополя, – старец Варлаам и диакон Игнатий. Среди тех, кто посетил Досифея в этот сложный период, был и один из известных лидеров северного старообрядчества – Корнилий Выговский. К этому времени он уже несколько лет жил в 60 км к северу от Курженской обители, сначала на р. Водле, затем в течение двух лет – вместе с соловецким старцем Епифанием (будущим соратником Аввакума) на Кяткозере, а потом на Нигозере (рис. 3): «Тогда построй келию на Нигозере [Низегоре], от Кяткозера [Пяткозера] за 6 верст, и часовню малу постави во имя отца Николы, идеже и до днесь стоит, Богом хранима пребывает. От Нигозера же хождаше ко отцу Досифею в Куржескую пустынию»²¹. Кроме того, Корнилий ездил и в Каргополь, а в самом начале своих странствий посетил Кирилло-Белозерский монастырь.

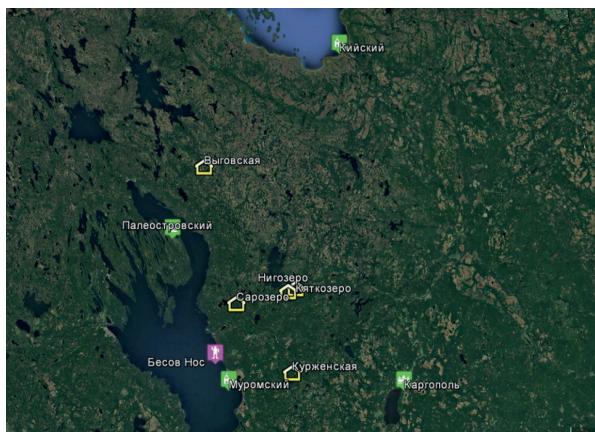

Рис. 3. Карта с указанием мест расположения старообрядческих обителей, Бесова Носа и действующих монастырей. В основе – снимок из космоса Онежского оз. и сопредельных районов Республики Карелия

На Сарозере в 1680-е гг. проживал Игнатий Соловецкий, который, судя по всему, именно с этого места в 1684 г. со своими сподвижниками отправился в Палеостровский монастырь с целью демонстративного противостояния власти. Его позиция, касающаяся Никона, также была хороша известна: «*Вы же сами изо ада погибели злого еретичества изшедшее, возбеснесте, яко пси и яко наставник ваши и отец древний сатана, и его слуги, и угодник любимо — Алексей, и советник его лукавой — Никон*»²².

Таким образом, восточнее Онежского оз. в 1670–1680 гг. находилось значительное число тех, кто считал Никона антихристом, причем некоторые из них знали бывшего патриарха лично. И они не просто сидели в своих кельях и тихо молились. Нет, они активно перемещались между обителями и даже городами, встречались, писали друг другу письма, участвовали в спорах.

Итак, постараемся еще раз описать известные нам факты.

1. В 1656–1657 гг. из Москвы на Кий остров в Белом море привезли деревянный семиконечный крест с мощами святых, частицами Крови и Креста Господня, сделанный по личному указанию Никона, лично участвовавшего в закладке мощей. В пути, в местах остановок, устанавливали для поклонения копии креста.

2. На берегах Онежского оз. и в глухих лесах недалеко от Бесова Носа (около 60 км) проживали активные противники Никона, некоторые из которых знали его лично, считали антихристом и врагом веры. При этом многие из них находились в тех местах, по которым в 1656–1657 гг. провезли упоминаемый нами Кийский крест со святыми мощами.

3. Изображение семиконечного креста, который словно «висит» на левой руке «беса», упираясь перекладиной в плечо с одной стороны и в запястье с другой, очень похоже на Кийский крест (рис.4).

4. Нижняя времененная граница возможного появления семиконечного креста на Бесовом Носу относится, скорее всего, к рубежу XV–XVI вв.

5. Над изображением креста имеется овал, напоминающий нимб, а рядом изображена монограмма Иисуса Христа под титлами IC XC.

6. На удалении от «беса» с крестом сделана уменьшена копия семиконечного креста.

7. Топоним Бесов Нос в этом месте достоверно фиксируется с 1563 г.

8. Бесов Нос находился на берегу Онежского оз., здесь была удобная бухта с песчаным пляжем. Мимо этого места проплывали те, кто направлялся с северной части Онежского оз. на юг, в Новгород или Москву.

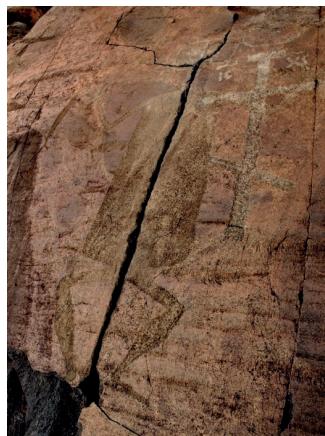

Рис. 4. «Бес» с семиконечным крестом. Фотография А.Л. Потравнова и Т.Ю. Хмельник 2010-е гг.

В результате, по нашему мнению, все эти факты достаточно логично могут объясняться следующей версией. В 1660–1680 гг. кто-то из противников церковных реформ (впоследствии их стали называть старообрядцами), которые в те годы находились недалеко от восточного берега Онежского оз., решил использовать языческое антропоморфное изображение на уже известном под названием «Бесов Нос» мысу как карикатуру на «антихриста» Никона. Для этого к его руке добавили изображение того креста, который был специально создан Никоном для своего детища – ставропигиального Крестного Кийского монастыря. Для ясности посыла над большим семиконечным крестом был нарисован нимб – символ святости, а рядом – монограмма Христа. Это необычное решение, на наш взгляд, связано с тем, что Кийский крест был не просто копией – он сам был святыней, поскольку содержал в себе частицы Крови и Креста Господня, а также массу других святынь. Зато небольшой крест, который нарисован в 3,5 м от «беса», уже изображен без нимба и монограммы, т.е. это могло быть изображение одной из копий Кийского креста, которые ставили на пути от Москвы до Белого моря.

Примечания:

---

¹ Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб.: Имп. акад. наук, 1812. С. 342.

² Швед П. Крестовый и Пелий мысы // Географические известия, издаваемые Русским географическим обществом. СПб.: Тип. МВД, 1850. С. 68—71.

³ Равдоникас В.И. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // СА. № 1. М.; Л., 1936. С. 9–50.

⁴ Лобанова Н.В. Петроглифы Онежского озера. Петрозаводск: Ун-т Дмитрия Пожарского; Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.

⁵ Там же. С. 21–22.

⁶ Там же. С. 267–271.

⁷ Там же. С. 211

⁸ Там же. С. 216.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Линевский А.М. Петроглифы Карелии. Часть I. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. С. 119.

¹¹ Софийская первая летопись. Вып. первый. ПСРЛ. Т. V. Л.: б/изд-ва, 1925. С. 72.

¹² Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М.Н. Покровского. Л.: изд-во Акад. наук СССР, 1930. С. 171.

¹³ Лобанова Н.В. Указ. соч. С. 221–223.

¹⁴ Потранов А.Л., Хмельник Т.Ю. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М.: Вече, 2018. С. 179–192.

¹⁵ Гнутова С.В., Щедрина, К.А. Кийский крест, Крестный монастырь и преобразование сакрального пространства в эпоху патриарха Никона // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси./ ред.-сост. А. М. Лидов. М., Индрик, 2006. С. 691–692. (электронную версию статьи см. URL: https://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=52)

¹⁶ Амвросий. История российской иерархии. Ч. IV. М.: Синодальная типография, 1812. С. 829.

¹⁷ Брецинский Д.Н. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции: тексты // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского дома: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука: Ленингр. отд., 1985. С. 74.

¹⁸ Там же. С. 81.

¹⁹ Бубнов Н.Ю. Ответ протопопа Аввакума духовному сыну (1676 г.) и его иллюстрированный протограф // Тр. отдела древнерусской литературы. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 263.

²⁰ Старицын А.Н. Курженская пустынь // Вестник церковной истории. № 3–4. М., 2009. С. 200.

²¹ Брецинский Д.Н. Указ. соч. С. 88.

²² Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // Тр. отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 322.